

Подумав об этом, Янь Цинли потащила деревянное ведро вперёд, но невольно подняла голову и взглянула на пустую, залитую тьмой верхнюю камеру.

Серебряные буддийские письма струились по обеим створкам закрытых каменных ворот, образуя обширную решётчатую печать темницы. Слабый свет едва озарял покрытый пылью коридор из парящих обломков; разрушенные каменные перила преграждали путь, а длинные, искажённые складки теней от свечи извивались, мелькая. Пляшущее пламя, судя по всему, исходило от того самого легендарного Негасимого светильника.

Внезапно её щеку лизнул влажный маленький язычок.

— Дурак, на что ты смотришь в верхнем ярусе? Я здесь, незачем таращиться туда сквозь дверь.

Янь Цинли отвела взгляд и встретила глазами с кошкой, сидящей у неё на плече. В фиолетовых кошачьих зрачках отразился её нынешний облик — молодого человека с белыми волосами, что выглядело довольно нелепо.

«Этот глупый человек, неужели её так заворожила моя героическая кошачья форма, что она пялится так долго?» — подумала кошка.

Кошка прищурила круглые глаза, положила мохнатую лапу на мягкое плечо Янь Цинли, склонила голову набок и принялась вылизывать лапу, в хорошем настроении обвив хвостом своё округлое тельце.

Заметив, что Янь Цинли не отводит от неё пристального взгляда, кошка смутилась и хлопнула мягкой подушечкой лапы по подбородку собеседницы.

«Я понимаю, ты скучала по мне целый день, но так бесцеремонно пялиться — как-то неловко».

Шёрстка на загривке натянулась — кошку подняли. Она возмущённо замыкала и забила.

Янь Цинли, ухватив кошку за шкурку, поднесла её к лицу и, предостерегающе выставив указательный палец перед её коротким носиком, сказала:

— Маленькая дурочка, в следующий раз не прыгай мне на плечо без предупреждения, понял? И не выпускай когти просто так, как сейчас, — можешь поцарапать.

«Это кто ещё дурак? Ты, глупая двуногая овца!»

Шерсть кошки встала дыбом, она уже собиралась рассердиться, но вдруг оказалась прижата к тёплой груди, и мягкие пальцы принялись чесать ей подбородок. Кошка довольно замурлыкала.

Голос женщины, державшей её, тоже стал нежным и мелодичным:

— Ами, ты очень похожа на мою соседскую кошку Сяохуа. Вот только Сяохуа красивее тебя: британская короткошёрстная, голубая с белым. А у тебя шерсть пёстрая, ты — простая дворняжка.

«Какая ещё Сяохуа, помесь какая-то, осмелилась соперничать со мной, Мэй Сюаньинь, за ласку?»

Кошка лениво разлеглась на сгибе руки Янь Цинли, но вдруг распахнула фиолетовые глаза и гневно зарычала:

— Дворняжка?! Она назвала меня дворняжкой?!

«Погоди-ка, что за чушь собачья? О чём я только думаю?»

«Нужно ли мне вообще соперничать за ласку?»

Кошка выпрыгнула из объятий, перескочила на плечо Сяомин и, настороженно хлопая круглыми глазами, уставилась на Янь Цинли.

«Эта глупая женщина слишком уж хорошо за мной ухаживает, нужно держаться от неё подальше, а то она мне совсем голову заморочила».

Сяомин с удивлением посмотрела на кошку, внезапно оказавшуюся у неё на плече, и, обращаясь к Янь Цинли, рассмеялась:

— Ой, вот это редкость! Эта кошка обычно только к тебе и льнёт, а теперь и ко мне пришла ластиться.

Янь Цинли с некоторым сожалением развела руками.

— Наверное, я её напугала. Всё-таки сейчас я ничем не отличаюсь от обычного человека. А вдруг в кошачьих когтях окажутся смертельные бактерии, и они меня поцарапают? Здесь негде сделать прививку. Если поднимется жар начнётся заражение, мне, пожалуй, останется только ждать смерти.

Сяомин и Янь Цинли разговаривали. После того как они сблизились, собеседница часто говорила очень быстро, и некоторые слова были ей непонятны.

Но слово «смерть» из уст Янь Цинли она расслышала отчётливо.

Сяомин трижды сплюнула на землю и, похлопав Янь Цинли ладонью по спине, сказала:

— Что за «смерть» да «не смерть»? Не говори таких мрачных вещей. Пока я здесь, даже если сам Янь-ван захочет тебя забрать, ему придётся спросить моего позволения.

Кошка с презрением покосилась на Сяомин: «Ты-то? Ещё и лицезреть Янь-вана собралась».

Янь Цинли покрепче ухватилась за ведро, чтобы удержать равновесие: от хлопка Сяомин её качнуло.

Сяомин неловко почесала затылок и, покраснев, сказала:

— Цинли, я забыла, что у тебя сейчас только Стадия Закладывания Основы. Прости, прости.

Девять Треугольных медных монет под Колокольчиком Подавления Грехов на карнизе камеры издали мелодичный, чистый звон, и обе створки тюремных ворот распахнулись влево и вправо.

Янь Цинли и Сяомин, неся вёдра с Духовными грибами, вместе ступили на открытое пространство, и ворота с лязгом захлопнулись за ними.

Тюремный двор был широким. Две фигуры, стоящие в нём, напоминали две чёрные и белые фишки на доске для го.

Тюремные столбы, достигавшие высоты в сотню чи, уходили прямо в потолок. Из них выходили несокрушимые цепи из Чёрного Тёмный-железа, на которых висели даосские талисманы, сковывающие острые когти и рога на голове Рогатый дракон. Цепи, переплетаясь в беспорядке, тянулись во все стороны, напоминая паутину охотника.

Цзяолун ещё отдыхал: его свирепая голова покоилась на земле, а всё тело было свернуто в клубок. Несмотря на это, в глазах обеих женщин он казался не меньше небольшой горы.

Сяомин поставила ведро с Духовными грибами рядом с огромной головой Цзяолуна, высыпала их в кормушку и поспешно отступила на несколько чи.

Услышав шум, Цзяолун моргнул янтарными звериными глазами, поднял массивную голову, и цепи вокруг него загремели.

Янь Цинли смотрела, как Цзяолун с видимым удовольствием жуёт грибы в каменной миске. Казалось, у него неплохое настроение.

Она прочистила горло и, без обиняков, спросила:

— Уважаемый, мне нужна одна ваша чешуя. Не могли бы вы подарить её мне?

Цзяолун, жуя грибы, неразборчиво пробурчал:

— Вы, культиваторы-люди, хитры и коварны. Мне, даоса, не переиграть ваши уловки. Если хочешь взять — бери сама, зачем тратить слова попусту?

Янь Цинли, понимая, что она в чём-то неправа, взяла меч в руки и поклонилась в знак благодарности:

— Раз вы позволили, прошу простить мне мою дерзость.

Одной рукой она зачерпнула из ведра Духовные грибы и высыпала их в кормушку. Проходя мимо Сяомин, та нервно дёрнула её за рукав и тихо сказала: «Будь осторожна».

Тело Цзяолуна было сплошь покрыто чешуёй. Для рецепта Пилюли Питания Духа Высшего Качества требовалось три чешуи: одна с лапы и две с хвоста.

Янь Цинли осторожно обогнула кольца чешуйчатого тела, разложенные на полу. Около хвоста она присела, достала маленький кинжал и принялась срезать чешую.

Хотя чешуя была твёрдой, как железо, по краю её можно было отделить целиком.

Янь Цинли осторожно отделяла чешуйки от шкуры лезвием. Первые две чешуи она сняла без всяких помех. Но когда дело дошло до чешуи на лапе, кинжал упёрся во что-то твёрдое и не пошёл дальше.

Она собрала в пальцы простейшее заклинание начального уровня и влила его в кинжал.

Звякнув, кинжал разлетелся на две половины, и вместе с чешуёй упал гвоздь размером с человеческий кулак, весь в крови.

Янь Цинли поймала последнюю нужную чешую и спрятала её в поясной мешочек. Взгляд её упал на окровавленный гвоздь на земле. На его поверхности, казалось, были вырезаны иероглифы.

Она подняла его и рассмотрела. На нём был выгравирован узор «Дворец Девяти Небес и Парящих Облаков» — это был Гвоздь Души из Дворца Девяти Небес и Парящих Облаков на Горе Линсуй, инструмент для закрепления души и спасения человека.

Эта вещь упоминалась в оригинальном тексте всего один раз. Помимо Горы Линсуй, такие

гвозди хранились у трёх глав: Бессмертной Секты Бэйюань, Секты Цинтянь Янь и Буддийского Храма Цзиньдин — на случай крайней необходимости.

Янь Цинли сжимала в пальцах Гвоздь Души, в душе изумляясь. Гвозди Души никогда не использовались для наказания живых существ — это давно нарушало бы моральные принципы круговорота небес и земли. Пока Гвоздь Души на месте, даже если существо умрёт, его душа останется заточённой в теле, не в силах переродиться.

Она проследила взглядом за линией чешуи и одну за другой обнаружила целый ряд Гвоздей Души — зрелище было поистине ужасающим.

Какое же преступление совершил этот Цзяолун, чтобы с ним так жестоко обошлись?

Янь Цинли не осмелилась задерживаться дольше. Она тайком положила и Гвоздь Души в свой мешочек.

В такие дела ей сейчас вмешиваться не следовало. Она оставит эту вещь при себе, чтобы потом, выбравшись отсюда, когда-нибудь спокойно всё расследовать.

<http://bllate.org/book/18616/1792304>